

В. В. ШУЛЬГИНЪ.

УКРАИНСТВУЮЩЕ

И МЫ!

ИЗДАНИЕ
И. З. РЫБИНСКАГО
1939.
БЕЛГРАДЪ.

Annotation

На протяжении последних 16 с лишним лет на Украине раскручивается националистическая спираль, которая инспирируется государственными органами власти, так называемой «свидомой интеллигенцией» в отношении русских и их языка, России, совместной многовековой истории украинского и русского народа. Дошло до того, что нынешний «лидер нации» начал рассуждать о создании музея «советской оокупации» по примеру своего друга в Грузии, а предыдущий президент написал шедевр, тщась доказать, что «Украина — не Россия». В общем, выстраивается подлая картинка, при котором наши народы эти «деятели», равно как и их мазепинские предшественники, всеми силами пытаются поссорить братские народы к вящей славе постоянных исторических недругов, нынешних «стратегических партнёров».

Мы решили немного приподнять завесу молчания, предоставив наши страницы для другой позиции. Вашему вниманию предлагается статья «Украинствующие и мы», написанная в 1939 году Василием Витальевичем Шульгиным (1878–1976). Это русский политический деятель, публицист. Родился в Киеве в семье профессора истории Киевского университета. Окончил 2-ю Киевскую гимназию и юридический факультет Киевского университета (1900 г.). Сотрудничал в газете «Киевлянин», монархист-националист, избирался депутатом II–IV Государственных дум от Волынской губернии. В 1917 году член временного комитета Госдумы, 2 марта 1917 года ездил требовать отречения от Николая II. Принимал участие в создании Добровольческой армии, белоэмигрант. В 1944 году был арестован в Югославии

и приговорен в СССР к тюремному заключению, в 1956 году был освобожден. Автор книг «Дни», «1920-й год», «Три столицы» и т. д.

Статья печатается с небольшим сокращением и предназначена вдумчивому читателю.

орфография исходника

-
- [Шульгин В](#)
- [Шульгин В.Н. Столыпин П. А. в оценках западных историков](#)
-
- [notes](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
 - [4](#)
 - [5](#)
 - [6](#)
 - [7](#)
 - [8](#)
 - [9](#)
 - [10](#)
 - [11](#)
 - [12](#)
 - [13](#)
 - [14](#)
 - [15](#)
 - [16](#)
 - [17](#)
 - [18](#)
 - [19](#)
 - [20](#)
 - [21](#)

- [22](#)
 - [23](#)
 - [24](#)
 - [25](#)
 - [26](#)
 - [27](#)
 - [28](#)
 - [29](#)
 - [30](#)
 - [31](#)
 - [32](#)
-

Шульгин В

Украинствующие и мы

«Великую обиду нанес мне сей человек: предал своего брата, как Иуда, и лишил меня честного рода и потомства на земле».

Гоголь. Страшная месть.

Три разряда украинствующих

Как и другие сектанты, украинствующие могут быть разделяемы на три категории:

1) Честные, но незнающие. Это те, которых обманывают.

2) Знающие, но бесчестные; призвание сих обманывать «младшего брата».

3) Знающие и честные. Это маниаки раскола; они обманывают самих себя.

Первые двое категории порой сливаются до неразличимости. Иногда никак не разберешь, почему человек юродствует: потому ли, что он ничего не знает, что он *rusticus*, как говорили римляне, и его обманывают другие; или же потому, что, очень хорошо все зная, он сам обманывает действительно незнающих.

Гораздо интереснее маниаки чистой воды. Они часто весьма образованы. Иногда по своему честны. Если и вскакивают изредка на Пегаса лжи, то из этого седла их легко выбить, апеллируя к их же собственным знаниям. Но маниакальная идея сидит в них глубоко и, так сказать, *quand tème!* Если взорвать их идеологию бомбами несомненных фактов, они восклицают «тем

хуже для фактов» и сейчас же выдумывают в подкрепление своей мании новую аргументацию. Впрочем, всякие доказательства для них только линия второстепенных окопов. Цитадель же их в утверждении: хотим быть украинцами! Хотим и больше ничего. Пусть для этого нет никаких оснований вовне; основание — внутри нас.

— Желаем! Волим! Sic voleo, sic jubeo...

Им, в сущности, посвящена настоящая статья: образованным и честным маниакам раскола. Но предварительно, хотя бы вскользь, поговорим об обманываемых и обманщиках.

История у украинствующих.

Главное поле деятельности, где подвизаются знающие, обманывая невежд, это история. В качестве историков иные украинствующие доказывают, что не только в настоящее время народ, живущий от Карпат до Кавказа, есть народ украинский, но что всегда, во все времена, он таковым был.

История обыкновенно разделяется на эпохи. В украинствующем ее пересказе, в зависимости от периодов, наблюдается кроме того различие метода.

В этом смысле можно различать: эпоху стопроцентной брехни от эпохи вранья, не столь очевидного.

Киевская Русь.

Стопроцентное сочинительство обычно практикуется в изложении Киевского периода Руси.

В 1917 году была выпущена украинствующая серия открыток. В числе их была и такая: под изображением князя Святослава и его дружины было подписано: «Не посралим земли украинской». Это было предназначено

непосредственно для «младшего брата», в расчет, что бедный *rusticus* и этому поверит.

Но на кого рассчитано следующее послание превелебного в Бозе епископа Константина? Сей князь католической церкви благодарит «высокоповажанного пана доктора Степана Гринивецкого, головного отомана Сичей, взлученых в державах пивночной Америки и Канады»; благодарит за то, что этот представитель Гетмана Павла Скоропадского пожертвовал на католический семинар тысячу долларов. Благодарит в следующих выражениях:

«Украинская Держава была сильна и могуча в те блаженные часы, когда свет католической веры просвещал ее население. С гордостью вспоминаем мы времена князей Владимира Великаго и Ярослава Мудраго. Основа их силы была святость святого Антония и Теодозия Печерских и прочих тогдашних Святых Мужей. Была тогда святость и высоко стояло просвещение. Появилась тогда «Правда», кодекс законов наших и «Летопись Нестора», основа истории нашей. Воздвигнуты были тогда величественные сооружения. Украинское имя славилось из края в край, а соседи с завистью смотрели на великую, могучую Украинскую державу».

Уважение к епископскому сану не позволяет мне предположить, что архиерей отец Константин сознательный обманщик. Но тогда остается допустить только одно: дремучее невежество! Это же качество надо приписать и Свиты Его Величества генералу Скоропадскому, гетману всея Украины, ибо его Светлость на подобные писания, обращенные в конечном счете в его адрес, и напечатанные в газетах, [1] никак не реагировал. Если их преосвещенства и их превосходительства, из стана украинствующих, имеют такие исторические познания, то чего же можно

ожидать от украинствующих же «просто батюшек» и «штабс-капитанов»?

В стиле вышеприведенного «константиновского письма» существует целая литература. Кто-то ее, очевидно, читает. Поэтому никогда не следует забывать, что и сейчас, как и прежде, ставка украинствующих — на народное невежество. Просвещение такой же враг для них, как заря для злых духов. Наоборот, наш лозунг должен быть: «Да здравствует солнце, да скроется тьма!»

Козацкий период.

Второй период — литовско-польско-козацкий. Эта эпоха является благодарнейшей ареной для более тонкого фальсифицирования. Дело в том, что эта часть русской истории в наших гимназиях преподавалась и преподается весьма слабо. В представлении нормального гимназиста с падением Киева Русь переходит в Москву. Как она туда перебирается, конечно, не ясно. Но факт тот, что в конце концов все русские — в Москве; а на месте древней Руси орудуют поляки и казаки.

«Поляки и казаки,
Казаки и поляки
Нас паки бьют и паки...»

(Алексей Толстой старший)

И притом эти казаки неизвестно какой национальности! Такое преподавание русской истории в русских учебных заведениях дает полную возможность

украинствующим заполнять пустоту, которой, как говорят, не терпит и сама природа.

— Козаки? Какой нации? Украинцы, конечно!

Поэтому утверждение, что и в козацкий период никаких украинцев не было, а Богдан Хмельницкий всю свою жизнь боролся за «имя Русское», вызывает недоверчивые вопросы:

— Да неужели? Вот, скажите! А я думал...

Что, собственно говоря, человек думал, остается неизвестным. В сущности он ровно ничего об этом не думал. Для среднего русского интеллигента южно-руссы, как люди и племя, проваливаются куда-то в день разрушения Киева Батыем, т. е. в 1240 году. С этого времени — *tabula rasa*. И так длится до того дня, как появляется на свет Николай свет Васильевич. Он пишет по русски, но вынырнул — неизвестно из какого народа. Во всяком случае Гоголь — не совсем русский, раз он хохол!

Девственные в этом смысле мозги весьма легко, по причине своей незаполненности, заполняются украинствующей эрзац-наукой. Украинствующие, надо отдать им в этом справедливость, не очень интересовались Божественной Комедией, прерафаэлитами, Джиокондой, королевой Марго, Валуа и Бурбонами, Тюдорами, Стюартами, Томасом Моором, Эразмом Роттердамским, Лютером, Кальвином, т. е. всем тем, чем увлекалась русская интеллигенция. Украинствующие сосредоточили свое внимание на своем родном крае, и историю своей земли некоторые из них хорошо знают, ибо изучают ее для специальной надобности. Они выискивают в этой истории все свидетельства, неоспоримо доказывающие, что в нашем крае жил и страдал русский народ. Во всех этих случаях они перечеркивают слово «русский» и сверху пишут «украинский». И это не только в фигуральном смысле, а и в буквальном. И сейчас можно найти напр. в Белграде,

в публичной русской библиотеке, сочинение Костомарова, где рука неизвестного украинствующего фальсификатора делала «исправления».^[2]

На стр. 292, 293 я обнаружил следующее. Напечатано: «Великаго княжества русскаго».

Зачеркнуто «русскаго», сверху написано «украинскаго».

Напечатано: «Великое княжество русское».

Зачеркнуто «русское», сверху написано «украинское».

Напечатано: «с делопроизводством на русском языке». Зачеркнуто «русском», написано рукой «украинском».

В таком виде препарированную подносят украинствующие историю козацкого периода русскому интеллигенту; и он, имея о козаках весьма слабые сведения, верит.

Но, как сказано было выше, обо всем этом — только вскользь.

Маниаки раскола.

Еще Достоевский говорил: «Психология — то и палка о двух концах». Никогда нельзя знать, когда и как возмутится душа, если она, душа, вообще есть. У украинствующих честных маниаков есть душа! Ведь была она у многих изуверов и до них. Маниаков надо резко отличать от обманщиков. Те работают во имя определенной цели, ничего общего с сентиментами не имеющей; а у маниаков бывают минуты, когда ложь их мошенничающих друзей становится им нестерпимой.

Восстание Чигирина.

Этого рода реакция не так давно произошла с одним из таких маниаков раскола, именующим себе Чигириным. Говорю «именующим» потому, что не знаю, настоящая ли это фамилия автора интереснейшей

книжечки. Существует славный город Чигирин. И гордое племя чигиринцев! Из них был и батько Богдан Хмельницкий. Чигиринцы выделяют себе из других хохлов; смотрят на них даже с некоторым пренебрежением. Может быть, это происходит потому, что в течение веков целые села из под Чигирина уходили на Черное Море. А оно, море, от Чигирина, Бог знает где. Значит чигиринцы — смелые предприимчивые люди. Может быть, «Чигирин» — псевдоним? Впрочем, это совершенно неважно.

Неважно и то, почему А. Чигирин напечатал в 1937 году свою книжечку под заглавием «Украинский вопрос». Он в ней полемизирует с Национальным Союзом Нового Поколения, в частности с конспектом № X, выпущенным этим Союзом. Важны те мысли, которые автор с большой четкостью высказывает.

А говорит он примерно следующее.

Только Украина — подлинная Россия.

Есть только одна земля на свете, которая имеет право называть себя Русью: это та земля, про которую сейчас говорят «Украина».

Есть только один народ, который подлинно русский; это народ «украинский». А следовательно, есть только один язык, который есть настоящий русский: это язык украинский.

При такой постановке дела, естественно, сейчас же просится на уста вопрос:

— Так почему же, добродию А. Чигирин, считая себе украинцем, вы не называетесь русским?

Объяснение этого странного факта впереди. Пока что посмотрим, как доказывает А. Чигирин свое истинно русское происхождение. Вот что он пишет:

Россия это — Киевщина.

«Древние исторические документы «Русью» называют: во-первых — землю племени Полян,

во-вторых — образовавшееся в бассейне Днепра государство, столицей которого был Киев, «мать городов русских» (стр. 5 и 6).

«...Таким обр. приведенные цитаты, а их можно было бы привести много больше, подтверждают, что «Русью» и «русской землей»^[3] не только в IX — X в.в., но и в XII–XIII назывались Киевская, Черниговская, Переяславская области и соседние с ними территории, а не другие славянские земли, и во всяком случае не Суздаль, не Владимир, не Москва» (стр. 6).

«В полном соответствии с приведенным географическим значением имени «Русь» находится и этнографическое значение этого имени: население Киевской Земли называлось «Русью». Население называло себя: «люди Руськой Земли», «Русь», или «Русины» (Договоры в.к. Олега и Игорю с греками 911 и 945 г.г.). Иногда в летописях князя Новгородские, Смоленские, Суздальские и Московские именуются «русскими», т. к. они происходили из «русской» династии Владимира Святого или Владимира Мономаха, но это еще не означало, что народы, населявшие земли, подвластные этим князьям, были «Русью», «Русинами», «Русичами». С упадком Киевского государства в XIII веке имя «Русь» перешло не к Владимиро-Суздальскому княжеству, а к Галицко-Волынскому, причем имя «Русь» и «русины», распространилось на родственное по крови население Галиции, Волыни и даже отдаленной Подкарпатской или Угорской Руси, где оно сохранилось и до наших дней. В латинской транскрипции «Русь» писалась, как «Ruthenia», а народ «Rutheni» (стр. 6 и...).

«Что же касается имен: «Малая Русь» и «Великая Русь», то они — происхождения византийского.

Константинопольский Патриарх, а по его примеру и византийские императоры, после переезда Киевского митрополита во Владимир, потом в Москву (в 1326), начали называть митрополию Киевскую «Малой Русью», что по гречески означало главную Русь, а митрополию Московскую — «Великой Русью», т. е. по гречески, колонией Руси, новой Русью. Вслед за этим и некоторые галицкие князья начали именовать себя «Князьями Малой Руси» (стр. 7).

«Киевский митрополит Максим выехал из Киева во Владимир на Клязьме в 1299 году. Живя там, он сохранил свой прежний титул: «Митрополит Киевский и всея Руси». Московский князь Иван Калита в 1326 году насильно заставил преемника Максима, митрополита Петра, переехать на жительство в Москву, но чтобы не унижить своего великокняжеского достоинства, Иван Калита и себе присвоил титул «Великаго князя всея Руси». С этого времени московские великие князья и цари начали писаться «великими князьями всея Руси», или позднее «царями всея Руси». Само собой разумеется, что этот титул не имел никакого реального и правового значения, т. к. в то время в обладании московского великого князя не было не только «всей Руси», но вообще не было ни пяди «русской земли» (стр. 7 и 8).

«В большом царском титуле московских царей до 1654 гола не было, за исключением некоторое время Черниговско-Сиверской земли, ни одной области, которая бы принадлежала к «Руси» или к «русской земле». Только после договора гетмана Б. Хмельницкого с московским царем Алексеем Михайловичем в 1654 г. в царском титуле появляются титулы: «Великие и Малые России», да великий князь «Киевский» и «Черниговский». Однако и после этого долгое еще время царство московского царя именуется «Московским», точно так же и народ, его населяющий,

именуется «московским». Только в конце XVII и в начале XVIII века стали входить в употребление названия: «великороссийский» — для обозначения народа и «Российский» — для обозначения государства (стр. 8).

Москва — не Россия.

«На основании приведенных выше исторических фактов и документов, каждый непредубежденный читатель может вывести только одно правильное заключение, что московское государство и московский народ не был «Русью», «Россией», и что это имя они впоследствии неправильно себе присвоили. Иностранцы долго называли московское государство и московский народ его собственным именем» (стр. 8 и 9).

«Московский народ в давние времена не назывался «русским» и сам себя так не называл. Чаще всего назывался он «народом московским». В то же время украинский народ с самой глубокой древности назывался «Русью», «русским»: так он сам себя называл и так его называли чужие народы» (стр. 16).

«В то время, как «русский» народ летописей возник из смешения славянских племен: Полян, Древлян, Северян, Волынян, Тиверцев, Уличей и Бужан (Лаврент. Летопись), московский народ образовался в XI веке из финских и тюркских племен: Чуди, Ливи, Води, Ями (на северо-западе России), Веси (от Ладоги до Белоозера), Карелы, Югры, Печеры, Самояди (на севере), Перми (на Каме), Черемисов (Вятская, Казанская, Уфимская, Нижегородская и Костромская губ.), Мордвы (на средней и нижней Оке и до Волги), Мери (на верхней Волге и Клязьме, Муромы и Мещеры (Муром, Мещерск), всего пятнадцать племен Уральской расы, и небольшого количества славенских «уходников» и из Новгорода, да из области Кривичей, Радимичей и Вятичей (последние

два племени были, как говорить летопись, «от ляхов», (в XI веке к ним присоединились дружины русских князей, посланных в области эти великими князьями Киевскими (стр. 16 и 17).

«Таким образом уже первоначальные племенные типы Руси и московского народа были различны и не имели между собой ничего родственного: в Руси преобладала Славянская (Адриатическая) раса, там — в Москве — Фино-Уральская раса» (стр. 17).

«Курганов русских и средне-русских во Владимирской области нет. В курганах XI и XII в.в. киевские вещи есть, но киевлян в них нет» (стр. 17).

«Древне-русское право киевской эпохи, собранное в «Русской Правде», остается неизвестным для московского государства и права. Оно распространяется в Галиции, в Белой Руси, принимается законодательством Литовского государства, ко нет его начал в московском праве» (стр. 22).

«Древняя культура русской княжеской династии постепенно уступает перед укладом жизни татарских завоевателей, так родственной финско-тюркскому населению московского государства» (стр. 23).

«Когда в 1654 г. историческая судьба поставила лицом к лицу украинский и московский народы... украинцы себя именовали «народом русским»; а великороссов — «народом московским», Царя — «царем московским» (стр. 23).

«Письма и грамоты, которые писались на Украине, в Москве переводились «с белорусского письма» (так называли в Москве украинский канцелярский язык XVII века). Для украинцев XVII века Московский царь был только «Царем Восточным, Православным» («Волим под царя восточного, православного»), но не «русским», ибо «русскими» были они, козаки, войско запорожское, а не Москва, не царь (стр. 23 и 24).

Чигиринский Символ веры.

Нам кажется, что как раз время прервать затянувшиеся чигиринские цитаты. Тем более, что этот автор уже высказал (с чисто чигиринской смелостью) свои мысли. Оне сводятся к двум утверждениям:

1) Население, живущее ныне от Карпат до Кавказа, с глубокой древности и до наших дней, называет себя русским; а потому оно и есть подлинный русский народ.

2) Смешанная раса, заселяющая ныне территорию от Польши до Владивостока, в древности не называла себя Русью; она приняла наименование «русский народ», первоначально от русской династии, переселившейся в Москву из Киева; а позднее — и от исконно русского народа вошедшего в состав московского государства по почину Богдана Хмельницкого в 1654 году. По этой причине люди этой смешанной расы неправильно называют себя русскими. Им больше приличествовало бы наименование московитов, как их в течение долгого времени и называли.

Это первые два члена из нео-чигиринского символа веры. Будет еще и третий, как вывод из первых двух. Но о нем речь впереди. Пока же скажем два слова о смешанной расе.

Польские байки.

Мы не собираемся опровергать теорию, провозгласившую, что московиты не русские. Пусть это делают сами москвичи, если им есть охота. Эта сказочка стара, как свет; она пущена в обращение теми же самыми поляками, которые выдумали и «украинский народ». Она, как всякая сказка, занимательна; но

предназначена для польских детей младшего возраста. Старшие же польские дети этой сказке уже не верят и вот по какой причине. В самом деле, если москвиты не русские, потому что они фино-уральской расы; если киевляне тоже не русские, потому что они украинцы; то приходится поставить вопрос: где же русский народ?

Его, оказывается, если поверить польским теориям о «московитах и украинцах», вообще нет на свете.

Конечно, это очень забавно и остроумно, что несуществующий в природе народ занял шестую часть суши и создал мощное государство. Но можно строить теории еще забавнее. Можно доказать, что 180 миллионов людей, занимающих территорию от Польши до Японии и от Финнов до Персов, суть чистокровные... поляки!

И это очень просто.

Нестор говорить, что племя, жившее вокруг Киева, сначала называло себя «Поляне», а потом стало Русью. Нестор выражается так: «Поляне, яже ныне зовомая Русь». Вместе с тем Нестор не знает различия между поляками и полянами. Поляков он тоже называет Полянами.

«Словене же ови пришедше и седоша на Висле реце и прозвашася Ляхове; а инии о тех Ляхов прозвашася Поляне... Тако же и те же словене пришедше седоша по Днепру и нарекошося Поляне».

Итак по Нестору Поляне жили и над Вислой (точнее над Вартой) и над Днепром. Но надвислинские Поляне сохранили свое древнее имя в форме «Поляки». А надднепровские Поляне («неправильно», если применить к ним методы Чигирина) стали называться Русью. Под этим именем «русских» бывшие Поляне распространили свою власть до Тихого Океана. Но на самом деле это «фальшивые русские». По настоящему они — Поляне, т. е. поляки; а посему Польша должна, по всей справедливости, граничить... с Китаем!

Но повторяем, пусть москвичи сами, если желают, опровергают и поляков и их подголосков, в роде А. Чигирина. Мы же укажем последнему только на стр. 11 его собственной книжки. Там говорится следующее:

Самоутверждение народа.

«Каждый народ имеет право называть себя так, как он хочет и значение имеет только то имя, которым народ сам себя называет».

Если так, то А. Чигирин не имеет права упрекать Чудь, Мерю, Весю, Мордву и Черемисов, словом все пятнадцать народов финско-уральской расы, что они называют себя русскими. Хотят и называют! Называют совершенно с тем же правом, как истинно-русский А. Чигирин называет себя почему-то украинцем.

Разрыв со стариной.

Почему то...

В самом деле, почему вы так поступаете, добродию А. Чигирин!

Соображения Чуди и прочих нас в данное время не интересуют. Но почему зачудил А. Чигирин, это очень любопытно. Причем мы вперед оговариваемся: мы не отымаем право у Чигирина и его единомышленников называться кем угодно, хотя бы кафрами. Но нас занимает вопрос: какие причины заставили человека наплевать в очи батькови и матери, выражаясь фигурально? Ибо как же называть это отречение от имени отцов и дедов, имени славного на весь свет, как не полным разрывом со всей честной стариной?

Славные «предки» батьки Богдана и А. Чигирина.

Богдан Хмельницкий, тот чувствовал иначе. Он гордился превыше всего своим русским именем.

Начиная восстание против поляков в 1648 году, он вспоминал «оных древних Руссов, предков наших», которые под предводительством «Одонацера» (Одоакра) в течение 14 лет владел самим Римом!

Пусть батько Богдан в данном случае немножко перехватил, утверждая, что наши славные предки уже в V веке предвосхищали лавры Муссолини. Но сколько несомненно национальной гордости в этом несколько сомнительном утверждении! Во всяком случае Хмельницкому и в голову не могло прийти отречься от своего русского имени. А добродий Чигирин, доказав черным по белому, что его предки были «славные русы», неожиданно заключает так: будучи русским из русских, все же стану называться украинцем!

«Братцы, за что же?!» — хочется воскликнуть, присутствуя при таком удивительном выражении.

Чтобы узнать «за что же», надо усвоить третий член нео-чигиринского символа веры, гласящий:

Москали украли наше русское имя.

3) Проклятые москали украли наше древнее русское имя! Потому то пришлось нам искать другого имени; и мы его, благодаря Господу, нашли: отныне будем украинцами.

А. Чигирин выражает это так:

В старину украинский народ называл себя «русью», «русинами», «русичами», но после того, как эти названия были бесправно присвоены московским правительством, украинский народ для отличия себя от фальшивых «русских» из Москвы, усвоил себе другое свое, не менее древнее имя, «Украина» (стр. 14).

Вот, значит, в чем дело! Обиделся человек на Чудь, Вась, и Мерю, Мордву и Черемисов. И так обиделся, что применил к ним китайскую месть: пошел и повесился на «фино-уральском» их пороге.

Самоубийство.

Ну да, повесился, то есть покончил самоубийством. В том виде, как Чигирин и нео-чигиринцы это проделали и проделывают, такая перемена имени есть отказ от самих себя, т. е. самоубийство. С тех пор, как нынешние чигиринцы объявили себя украинцами, они, вопреки старому чигиринцу Хмельницкому, «гонят все русское». Но кого же гонят? Самих себя, свою же плоть и свою же кровь. И сколько этой своей крови они уже пролили! Что сделали они, хотя бы в Галичине, ставшей «пьемонтом Украинства», — руками Австрии. Своих братьев галичан только за то, что они хотели сохранить свое тысячелетнее русское имя, мучали, терзали в тюрьмах и застенках, тысячами казнили на виселицах!

«Депутат австрийского парламента, поляк г. Дашинский (русские депутаты были приговорены к смертной казни) сказал на одном из заседаний, что у подножия самых Карпат от расстрелов и виселиц погибло около 60 000 невинных жертв». (Временник, Научно-Литературные записки Львовского Ставропигиона на 1935 г, стр. 68 и 69).

За что погибли эти люди? Были ли они действительно невинными? Об этом мы можем узнать из речи инженера Хиляка, представителя галицко-русской молодежи:

«...Талергоф, пекло мук и страданій, лобное место, голгофа русскаго народа и густой лес крестов «под соснами», а в их тени они — наши отцы и наши матери, наши братья и наши сестры, которые сложили там головы. Неповинно! Но во истину ли неповинно? Нет, они виноваты, тяжко виноваты. Ибо своему народу служили верно, добра, счастья и лучшей доли ему желали, заветов отцов не ломали, великую идею единства русскаго народа исповедывали. И не

преступление ли это? Однако наиболее страшным, наиболее волнующим, наиболее трагическим в этом мученичестве русского народа было то, что брат брата выдавал на пытки, брат против брата лжесвидетельствовал, брат брата за іудин грош продавал, брат брату Каином был. Может ли быть трагизм больше и ужаснее этого? Пересмотрите историю всех народов мира, и такого явления не найдете. Когда лучшие представители народа «изнывали по тюрьмам сырым, в любви беззаветной к народу», в то время, вторая его часть создавала «січові» отделения стрелков и плечо о плечо с палачем — гнобителем своего народа добровольно и охотно защищала целостность и неприкосновенность границ австрийской Империи. Где же честь, где народная совесть? Вот до чего довела слепая ненависть к Руси, привитая на продолжении долгих лет, словно отраву народной душе. Предатель забыл свою историю, отбросил традиции, вырекся своего исторического имени, потоптал заветы отцов...» (Ibid., стр. 84 и 85).

С той же силой свидетельствует нам о славных деяниях нео-чигиринцев в Галиции Фома Дьяков, крестьянин села Вербежа из под Львова. Он был приговорен к смертной казни в 1915 году, но император Франц Иосиф подарил ему, и некоторым другим, жизнь.

«Нехай не гине ніколи пам'ять о наших невинных тысячах русских людей, лучших и дорогих наших батьков и матерей, братьев и сестер, котри в страшных муках погибли от куль, багнетов и на австромадьярских шибеницах, що неначе густий лес покрыли всю нашу землю. Той зверский террор в световой истории записано кровавыми буквами, и я верю, що та пам'ять о мучениках буде вечная. Наши дети, внуки, правнуки и тысячелетни потомки будут их вспоминати и благословити за тое, що в страшных, смертельных муках и страданиях не выреклись своего великаго

славянскаго русскаго имени и за идею русскаго народа принесли себе кроваво в жертву. Ганьба буде на вечный спомин за писемни и устни ложни доноси выродных наших родних братьов, которы выреклися тысячелетного русскаго имени, стались лютыми янычарыма, проклятыми каинами, юдами, здрадниками и запроданцами русскаго, славянскаго народа и русской славянской земли за австрійскіи и германскіи охлапы!» (Ibid., стр. 76).

А вот речь другого крестьянина, Василя Куровца, села Батятич, из-под Каминки Струмиловой.

«Сумный в исторіи Руси, був 1914 рок! Австрия думала, що огнем и мечем вырве из груди народа нашего русску душу, а Немечина думала, що захопить в свои руки урожайный, черноземный край от Карпат до Кавказа. Коли той план заломався о русскіи штыки, то немецка гидра стала мститися на невинном галицко-русском народе. О Русь, святая мать моя! Поможи забути ту жестоку муку, ту обиду, нанесену нашему обездоленному народу. Сумна и страшно погадати: тысячи могил роскинулись, куды лише очима поведемо, по нашей отчине, и тысячи могил под соснами в Талергофе. В тиху ночь чути их стон и горьке рыданья и тугу за родною землею... Скажемо себе ныне, братья и сестры, що николи мы их не забудем и рок-рочно будем поминати по закону наших батьков и таким способом будем передавати их имена нашим грядущим поколеніям. Тут торжественно могу заявити, що, если-б наврять все отреклися их идеи, то есть Святой Руси, здорова селянска душа крепко ей держатися, бо та идея освящена кровью наших батьков и матерей» (Ibid 78).

Кто же эти иуды-предатели, которые отреклися от тысячелетнего русскаго имени и повели своих братьев на страшную голгофу Талергофа? Об этом мы можем

узнать из речи отца Иосифа Яворского, из села Ляшкова, депутата на Сейм в Варшаве.

«Дорогая русская семья и честные гости! Еще в 1911-1912 г.г. многие представители Украинского Клуба в Австрийском парламенте, паче всех Василько и Кость Левицкий, старались всеми силами доказать австро-немецкому правительству, что они являются верноподаннейшими сынами и защитниками Австрии, а все русскія організації и общества, то найбільшіє враги австрийского государства. Эта лояльность украинцев ввиду Австрии породила кровь, муки, терпение русскаго народа и Талергоф. Всем, кто знает австрийское парламентское устройство, ведомо, что так называемыя делегации австрийского и угорского парламента собирались то в Вене, то в Будапеште. В 1912 году председатель украинского клуба, д-р Кость Левицкий, во время заседания такой делегации внес на руки министра войны интерпеляцию следующего содержания: «Известно ли вашей эксцеленции, что в Галичине есть много «руссофильских» бурс для учащейся молодежи, воспитанники которых приобретают в армии права вольноопределяющихся и достигают офицерской степени? Каковы виды на успех войны, ежели в армии, среди офицеров так много врагов, — «руссофилов»? Известно ли вашей эксцеленции, что среди галицкаго населенія шляется много «Руссофильских» шпіонов, от которых кишит, и рубли катятся в народе? Что намеряет сделать ваша эксцеленция на случай войны, чтобы защититься перед «руссофильскою» работою, которая в нашем народе так распространяется?» Министр ответил, что примет предупредительныя меры, чтобы ненадежные элементы, т. е. студенты-руссофилы, не производились в офицеры и на случай войны обезвредит «руссофилов». Последствия этого запроса Костя Левицкаго — то лишение многих студентов славян офицерских прав.

Административныя власти выготовили списки и на основании их все русскіе были арестованы. Армія получила инструкціи и карты, с подчеркнутыми красным карандашем селами, которыя отдали свои голоса русским кандидатам в австрійскій парламент. И красная черточка на карт оставила кровавыя жертвы в этих селах еще до Талергофа. Вы сами помните, что когда в село пришел офицер, то говорил вежливо, но спросив названіе села и увидев красную черточку на карте, моментально превращался в палача. И кричал немец или мадьяр — Ты рус? А наш несчастный мужик отвечал: — Да, русин, прошу пана. И уже готовая веревка повисла на его шее! Так множились жертвы австро-мадьярскаго произвола. Но вскоре не хватило виселиц, снурков, ибо слишком много было русскаго народа. Для оставшихся в живых австрійская власть приготовила пекло, а имя ему — Талергоф! Если бы кто-нибудь не поверил в мои слова, что Талергоф приготовили вышеупомянутые мною украинцы, пусть посмотрит в стенографическія записки делегаціи» (Ibid., стр. 86 и 87).

Итак, вот к чему привела китайская месть украинствующим, обидевшихся на Чудь, Мерю, Весь, Мордву и Черемисов. Как назвать все это иначе, чем физическим и духовным народным самоубийством?!

Где логика?

Забудем, на время, об этих кровавых страницах. Попробуем еще раз побеседовать с украинствующими в спокойном тоне. Итак, причина для вышеизложенного самоубийства русскаго народа есть та, что фино-уральцы под именем москалей присвоили себе русское имя.

Как хотите, господа, а ей-же-ей эта причина странная.

Я, допустим, ношу имя Иванова. И вот нашелся какой-то Петров, который тоже объявил себя Ивановым.

Неужели это достаточная причина, чтобы я, Иванов, стал называть себя... Сидоровым? Где же тут логика?

Одно из двух. Петров, что стал называть себя моим именем, т. е. Ивановым, никакого убытка ни морального, ни материального мне не причиняет. Тогда, черт с ним, с этим Петровым, пусть себе называется Ивановым, если это ему нравится. Но, может быть, Петров, назвавшись моим именем, Ивановым, нарушает какие-то мои права и преимущества? Тогда что я сделаю? Я притяну его к ответу; я буду доказывать, что он облыжно называет себя Ивановым; буду говорить, что он Петров; а Иванов есть только один на свете: это — я!

Но что мне поможет, если я этому зловредному похитителю моего имени подарю то, что он сделал, а сам, смирнее овцы, пойду и назовусь каким-то Сидоровым? Ей же Богу, эта благодетельность и смирение совершенно непонятны. А тем более непонятны, что украинствующие все время твердят, будто они борются за свой народ. Как же борются, когда самое, что есть у народа ценное, его историческое имя, взяли и отдали Чуди, Веси, Мери, Мордве и Черемисам.

Поляки.

Для здравомыслящего человека такой способ действия, хотя бы под влиянием самой горькой обиды, совершенно непонятен. В особенности же все это непонятно, когда сообразишь, что Чудь, Весь, Меря, Мордва и Черемисы (под именем москалей) начала красть наше русское имя еще при Иване Калите, т. е. в XIV веке, сказать точнее с 1326 года. И вот, слава Тебе Господи, прошло не много, не мало, четыре с половиной века с лишком, никто ни это «именное» воровство не обижался. И только, когда стукнуло 469 лет, наконец,

кто-то обиделся. Кто же это? Вовсе даже не мы, а поляки! Поляки обиделись, и вполне естественно, на императрицу Екатерину II. В ответ на разделы Польши, и это тоже совершенно естественно, поляки в свою очередь надумали раздел России. Для этого они и изобрели до той поры не существовавший «украинский народ». А. Чигирин полагает, что польское происхождение «украинского народа» открыли авторы конспекта № X, но это не так. Сию истину установило совсем не «Новое Поколение»; это утверждает старый берлинский профессор славист Брюкнер. Вот, что об этом пишет известный знаток южно-русской истории А. Стороженко.

«... настали разделы Польши, и вот когда польские ученые заговорили об особой украинской национальности. Им хотелось доказать, что русских нет в границах погибшей Польши, и что Екатерина II напрасно приказала вычеканить на медали в память разделов «отторженная возвратих». Берлинский профессор Александр Брюкнер утверждает, что впервые высказал взгляд об отдельности украинцев от русских граф Потоцкий в книге на французском языке, изданной в 1795 году под заглавием: «Fragments historiques et géographiques sur la Scythie, la Sarmatie et les slaves».

Продолжая дальше своей бесстрашный рассказ о полонизации Руси под видом «украинизации», А. Стороженко говорит:

«Известный основатель Кременецкого лицея Фаддей Чацкий в книжке: «O naswisku Ucrainy i poczatku kosakow» — выводит украинцев от укров, которые были будто бы дикой славянской ордой (horda barbarzynskih Slowican), пришедшей на Днепр из Заволжья в первые века по Р.Х. Выдумки польских ученых проникли на левый берег Днепра в умы образованных малороссиян, но здесь встретили горячий отпор со стороны автора

«Истории Руссов», появившейся в начале 1800-х годов и приобретшей вскоре чрезвычайную популярность в Малороссии. «С сожалением должен сказать», пишет он, — «внесены некоторые нелепости и клеветы в самые летописи малороссийския, по несчастю, творцами оных природными Русскими, следовавшими по неосторожности безстыдным и злобным Польским и Литовским баснословцам. Так, например, в одной ученой историйке выводится на сцену, из древней Руси или нынешней Малой России новая некая земля при Днепре, называемая тут Украиной, а в ней заводятся польскими королями украинские казаки, а до того будто бы сия земля была пуста и необитаема, и казаков в Руси не бывало, Но видно г. писатель таковой робкой историйки не бывал нигде из своей школы и не видал в той стране, называемой им Украиной, русских городов, самых древних и по крайней мере гораздо старейших от его королей Польских».

К сожалению, голос В.Г. Полетики, предполагаемого автора «Историям Руссов», скрывшегося под именем архиепископа Георгия Конисского, мало кем был услышан. Польские влияния разными, едва уловимыми путями проникали в чисто русскую общественную жизнь. Сам великий Пушкин поддавался обаянию Мицкевича...»

Влиянием Мицкевича объясняет А. Стороженко некоторые отдельные стихи из Пушкинской «Полтавы». Мицкевич же «мыслил Малую Русь — Украиной польского королевства, гибель которого жгучей скорбью пронизывала патриотическое сердце поэта».

Свой очерк, устанавливающий, что украинствование рождено и взлелеяно поляками, А. Стороженко заканчивает так:

«В первой четверти XIX века появилась особая «украинская» школа польских ученых и поэтов, давшая чрезвычайно талантливых представителей. К.

Свидзинский, и Гощинский, М. Грабовский, Э. Гуликовский, Б. Залесский и многие другие продолжали развивать начала, заложенные гр. Я. Потоцким и Ф. Чацким, и подготовили тот идейный фундамент, на котором создано здание современного нам украинства. Всеми своими корнями украинская идеология выросла в польскую почву» (Труды подготовительной по национальным делам комиссии. Малорусский отдел. Одесса, 1919 г. Стр. 61–63).

Зачем полякам понадобилось создание особого народа, окрещенного «украинским»? У польских писателей можно найти весьма ценные по своей откровенности признания. Например:

«Бросим пожары и бомбы за Днепр и Дон, в самое сердце Руси. Возбудим споры и ненависть в русском народе. Русские сами будут рвать себя своими собственными когтями, а мы будем расти и крепнуть». (Завещание польского повстанца генерала Мерославского).

Не менее интересны мысли ксендза Валериана Калинки:

«Между Польшей и Россией сидит народ, который не есть ни польский, ни российский. Но в нем все находится материально под господством, нравственно же под влиянием России, которая говорит тем же языком, исповедывают ту же веру, которая зовется Русью, провозглашает освобождение от ляхов и единение в славянском братстве. Как же защищать себя?! Где отпор против этого потопа? Где?! Быть может, в отдельности этого русскаго (малорусскаго) народа. Поляком он не будет, но неужели он должен быть Москалем?! Поляк имеет другую душу и в этом факте такую защитительную силу, что поглощенным быть не может. Но между душою Руссина и Москаля такой основной разницы, такой непроходимой границы нет. Была бы она, если бы каждый из них исповедывал

иную веру, и поэтому-то уния была столь мудрым политическим делом. Если бы Русь, от природы этнографически отличная, по сознанию и духу была католической, в таком случае коренная Россия вернулась бы в свои природные границы и в них осталась, а над Доном, Днепром и Черным морем было бы нечто иное. Каково же было бы это «нечто»? Одному Богу ведомо будущее, но из естественного сознания племенной отдельности могло бы со временем возникнуть пристрастие к иной цивилизации и в конце концов к полной отдельности души. Раз этот пробуждавшийся народ проснулся не с польскими чувствами и не с польским самосознанием, пускай останется при своих, но эти последние пусть будут связаны с Западом душой, с Востоком только формой. С тем фактом (т. е. с пробуждением Руси с не-польским сознанием) мы справиться сегодня уже не в состоянии, зато мы должны позаботиться о таком направлении и повороте в будущем потому, что только таким путем можем еще удержать Ягайлонские приобретения и заслуги, только этим способом можем остаться верными призванию Польши, сохранить те границы цивилизации, которые оно предназначало. Пускай Русь останется собой и пусть с иным обрядом, будет католической — тогда она и Россией никогда не будет и вернется к единению с Польшей. И если бы даже это не было осуществлено, то все-таки лучше самостоятельная Русь, чем Русь Российская. Если Гриць не может быть моим, говорит известная думка, пускай, по крайней мере, не будет он ни мой, ни твой.

(A. Tarnowski, *Ksiandz Waleryan Kalinka*, Krakow, 1887, стр. 167-170)

Чтобы правильно понимать вышеизложенный взгляд отца Калинки, надо принять во внимание, что он был деятелем половины XIX в. В то время украинствующая терминология еще не имела широкого

распространения. Не употреблял ее и ксендз Калинка, и в этом была его великая ошибка. На противопоставлении «Руси», под которой Калинка понимает наш Юг, и «России», каковым он обозначает наш Север, — далеко не уедешь. Такая терминология, вероятно хорошо звучит по-польски, но мало вразумительна для русских. Русь есть Россия, Россия есть Русь! — Так ощущает каждый из нас. Для целей, преследуемых В. Калинкой и другими поляками, т. е. для раскола единого русского народа, непременно надо было найти для Юга России совершенно отдельное наименование. Оно и было найдено под видом «украинский народ». Когда это в высшей степени удачное изобретение было пущено в ход, польские стремления пошли по верному пути. Однако, судьба бывает насмешлива: то, что поляки сеяли для себя, пожали немцы...

Немцы.

Надо признать, что наши нео-чигиринцы вышеизложенную польскую доктрину в конце концов усвоили, как свою собственную. Однако долгое еще время они, если так можно выразиться, держались довольно по домашнему. И это продолжалось до тех пор, пока «обиду» украинствующих не взяли в свои аккуратные руки немцы, австрийские и германские. Вот тогда чигиринскую претензию, можно сказать, развели на большой интерес! Это произошло по той простой причине, что этот интерес совпал в точности с видами самих немцев. После того, как мы сначала подписали, но на следующий день дезавуировали союз, предложенный императором Вильгельмом II-м,^[4] Германия повернулась против России. И восторжествовал план: в результате победоносной

войны расчленив Россию на десять самостоятельных республик. Еще до войны была напечатана географическая карта, на которой программа раздела России была изображена графически, причем среди будущих республик «Украина» занимала главное место.

Не безинтересно вспомнить, в каком тоне во время войны велась «украинствующими» пропаганда против России, за Германию и Австрию. Вот примеры:

«Товарищи! Эта война должна решить нашу судьбу. Если Россия победит, мы еще долго будем нести иго царей. Но поражение русской армии и торжество Германии и Австрии обеспечит нам победу в нашей борьбе за национальную независимость».

«Пусть дело освобождения Украины станет делом миллионов людей! Осуществление нашей мечты вполне согласуется с интересами держав, враждебных России, т. е. Германии и Австрии. Отнять Украину у России и создать независимое государство — вот, что может спасти Европу от русской опасности».

«Мы непримиримые враги русской империи! Мы желаем ее гибели, мы хотим отнять у нее Украину. Государства, которые находятся в войне с Россией, тем самым являются нашими друзьями, потому что если им удастся победить Россию, если Австрия сможет аннексировать часть Украины — эта аннексия будет благодеянием для этой страны, освобождая ее от русского ига и давая ей возможность жить свободной национальной жизнью».

«Без отторжения украинских провинций самое большое поражение России в этой войне будет только легкой раной, от которой царизм излечится в короткое время и по прежнему будет угрозой для европейского мира. Только свободная Украина, союзная с центральными державами, благодаря своей территории, простирающейся от Карпат до Дона и

Черного моря, будет достаточным барьером, чтобы защищать Европу от России».

«Это счастье для нас, что австрийская и германская армии сильнее, чем армия царя. Уже царские генералы обратились в бегство. Уже австрийцы вошли в Украину! Счастливым день близок».

«В Австрии все народы свободны. Свободной и независимой будет и Украина, союзная с Австрией».

«Солдаты! Если вы не развращены вашими офицерами; если вы не лишились своей собственной воли; если вы помните, что крестьяне и рабочие не могут быть братьями буржуев и офицеров; если вы не забыли, что вы Украинцы и что цари в течение двух веков притесняли Украину; если вы не потеряли чувства национальной украинской чести, — поднимитесь против царской России. Не стреляйте против войск, с которыми вам приказали сражаться, но обратитесь против ваших офицеров и убивайте их».

Нам кажется, что вышеприведенными выдержками характер украинско-австро-германско-большевистского альянса 1914–1918 годов достаточно выяснен. Не будем на этом останавливаться; не в наших намерениях воскрешать те чувства, которые рождала мировая война. Наоборот, мы хотели бы видеть друзей в прежних врагах. Именно с этими мыслями мы привели ядовитые строки украинствующим прокламаций. Только для того, чтобы напомнить: «Украина» была «аннексирована» и Германией и Австрией. Каковы же результаты? Стала ли «свободная Украина» тем «барьером», который должен был «спасти Европу»? Что то на это не похоже! Из двух центральных держав Австрии вообще уже нет на карте спасаемого украинствующими материка. Что же касается Германии, то вместо спасительного барьера против Зигфрида XX века стоит злобный дракон, для которого гибель и

Германии и Европы и всего мира есть вопрос собственного существования.

Во всяком случае во время войны чигиринская обида на фино-уральские народности стала делом вполне международным. А благодаря недалёковидности Павла Скоропадского, освятившего своими генеральскими эполетами и аристократичностью своего гетманшфта «похабность» Брестского мира, терминология украинствующих вошла во всеобщее употребление.

Большевики.

Каким образом «украинская держава», начинание вполне националистическое, как бы к нему ни относиться, вошла в программу большевиков-интернационалистов?

Не надо забывать, что в начале своей карьеры большевики были тесно связаны с немецким генеральным штабом, от которого и восприняли независимую украинскую республику. В дальнейшем, когда большевики освободились от давления немцев, они могли бы восстановить единую неделимую страну, что с точки зрения интернационалистов было бы гораздо логичнее. Но у большевиков в то время был свой расчёт. Они очень надеялись тогда на мировую революцию. С этой точки зрения всякие «национальные республики», которые «добровольно» вошли в СССР — были весьма удобны. Большевики рассчитывали, что по примеру Украинской в СССР войдут Польская республика, Литовская, Латвийская и другие Прибалтийские, затем Чешская, Румынская, Венгерская, Австрийская, Болгарская, Сербская, Хорватская, Словенская — словом все Балканские, а вслед за ними республики Германская, Французская и остальные Европейские, потом Англия и наконец Америка.

Все эти пышные расчеты рухнули; но тут «Украинской республике» на помощь пришло некое весьма занимательное психическое состояние диктаторствующего Сталина. Оперетка с переодеванием в национальные костюмы понравилась и нравится до сих пор первобытному тщеславию, к которому весьма склонен Джугашвили. Приятно быть неограниченным повелителем и одной страны, но куда величественнее стоять во главе одиннадцати государств, в том числе и «Украинской республики».

Итог.

Вот краткая история украинствования. Оно было изобретено поляками (граф Ян Потоцкий); поставлено на ноги австро-немцами («Украину сделал я!» — заявление генерала Гофмана); но консолидировано оно большевиками, которые вот уже 20 лет без просыпа украинствуют (конституция Сталина 1937 года).

Но от того, что к этому делу приложили свои руки сначала поляки, потом немцы и, наконец, большевики — не изменился самый вопрос. И он все также стоит и сейчас — во всей своей недоуменности: ужели надо менять свое тысячелетнее имя только потому, что кто-то другой этим именем назвался?

Преследования со стороны москалей.

Чувствуя необычайную слабость такой постановки вопроса, А. Чигирин, а также и другие чигиринцы, объясняют: москали-де нас мучали, преследовали; не давали нам говорить, писать и даже петь на нашем родном южно-русском языке; вот почему мы должны были назваться Украинцами!

Опять полное отсутствие логики. Что же москали перестали вас преследовать, когда вы отреклись от своего русского имени? Как раз наоборот: за то именно вас и преследовали, что назывались украинцами! А до этого времени никто вас не преследовал; говорили себе и писали и пели, что хотели. Конечно, можно поставить вопрос: стоило-ли вас преследовать за то, что вы назвались украинцами? По нашему мнению, не стоило. Называйтесь хоть берендеями. ^[5]

Но надо сказать и то, что москали все-же рассмотрели вашу истинную натуру. А рассмотрели потому, что мы им это разъяснили: да мы, те южане, которые не желали и не желают менять своего тысячелетнего русского имени. Мы москалям разъяснили и разъясняем, что людям, называющим себя украинцами, нельзя верить, когда они говорят, будто они добиваются только свободы для своей печати, театра и прочее. Мы москалям говорили: нет, они добиваются раскола; они хотят отделения от остального русского народа и от русской державы. Что мы были правы, в этом может каждый убедиться, прочтя на стр. 40-ой книжки А. Чигириня нижеследующее:

«Авторы конспекта № X наиболее серьезным своим противником считают «петлюровцев». Пусть же они знают, что в настоящее время нет ни одной украинской партии, которая бы не стремилась к самостоятельности Украины. На Украине и за-границей теперь «все — украинцы-петлюровцы» в том смысле, что все стоят на принципе независимаго украинского государства».

Другими словами Чигирин и чигиринцы теперь совершенно открыто провозглашают то, что они долго скрывали. Но мы это знали и москалям разъяснили. И москали приняли против сепаратистов свои меры. Меры эти были, на наш взгляд, неловкие, неумелые; нам

кажется, что следовало действовать иначе. Но все-же никак нельзя сказать, что москали преследовали украинствующих чигиринцев за желание писать, говорить и петь на своем родном языке. Нет, они преследовали их за разрушение русского государства, за разрушение тысячелетней идеи единого русского народа.

Эта идея была впервые поднята и отчасти осуществлена Киевом, во времена Владимира Святого, она продолжилась московскими Собирателями Руси; но закончена была Петербургом. Петербург не даром стоит на одном меридиане с Киевом. Именно Петербург воспринял вполне идею единого русского народа, зародившуюся в лоне Матери городов русских более тысячи лет тому назад (882 год).

Кто воры?

Вся эта выдумка украинствующих о том, что москали украли наше русское имя, не стоит, как говорилось в старину, пенязя белого, а сейчас сказали бы — ломаной копейки. И это потому, что эти самые москали никогда не мешали нам владеть тем достоянием нашим, которое они будто бы у нас украли, т. е. именем русским. Если это кража, то кража странная: украденным предметом нас просили и приглашали пользоваться в свое удовольствие.

Удивительные какие-то воры были эти москали. Можно сказать, воры-джентльмены...

Но есть на свете и такие воры, что действительно не позволяют пользоваться нам нашей собственностью. Кто это, всякий знает: это — украинствующие! Эти вот настоящие воры. Они, действительно, украли у нас наше кровное добро; тысячелетнюю нашу славу; наше русское честное имя. Украли! Украли и украденное

держат у себя под замком. А всякому, кто предъявляет свои права на бесспорное национальное сокровище, они, если смогут, и «голову оттяпают», как это они сделали в Австрии. А если на это руки короткие, то хоть облают и оклеветают, забросают грязью с головы до ног. В отношении нашего русского имени украинствующие суть подлинные воры и насильники и притом без всякого джентльмента.

Бунт Александра Шульгина.

Но надо отдать им справедливость, некоторые украинствующие начинают время от времени чувствовать некое свербление в сердце своем. Кое кому стала приедаться сказка о краже русского имени и иныя небылицы, как Чигирину напр. надоело грубое вранье о славной «Украинской Державе», процветавшей во времена Владимира Святого. Этого рода украинствующие делают в направлении честной постановки вопроса еще один шаг.

Вот передо мной статья моего дорогого племянника, Александра Шульгина, написанная на французском языке для одного французского журнала. Если последний ее не напечатал, то я в этом не виноват. Надеюсь, что мой любезный родственник оценит услугу, которую я ему оказываю, распространяя его даже еще не напечатанную статью, а оный французский журнал простит мою нескромность. Вот что А. Шульгин между прочим говорит:

«La volonté du peuple». Le probleme national et le probleme purement linguistique ont pour ainsi dire des lois tres relatives: le Plattdeutsch et le Hochdeutsch ne se differentient pas plus que le hollandais de la langue classique allemande. Et pourtant personne ne considere les deux idiomes allemands comme deux langues

independantes, et n' affirme que le nord et le sud de l' Allemagne sont habites par deux nationalites differentes. Par contre, qui oserait nier que le hollandais soit une langue independante, et que le peuple qui la parle consitue une nation a part. Tout depend donc des conditions historiques, de la mesure du developpement de la langue, de la force de la litterature et, au point de vue purement national, de la volonte du peuple. C' est d' ailleurs Ernest Renan qui a mis en avant cette definition subjective «volonariste» d' une nation».^[6]

A la bonne heure! Наконец-то, on a mis les points sur les «i». Хотя и при помощи Ренана, но все же договорились до точки: точки честной, если и не окончательной.

Sic voleo, sic jubeo! Желаем! Волим!

Волим!

Это по крайности — по чигирински. Старые чигиринцы 1654 года, с батькой Богданом во главе, тоже восклицали: «Волим!»

— Волим под Царя Восточного, Православного!..

Нео-чигиринцы 1918 г., с атаманом Петлюрой и гетманом Скоропадским во главе, избрали другого Царя:

— Волим под царя Западного, Инославного!

Это воление вышло не особенно удачным, ибо звезда Царя Западного закатилась через восемь месяцев после того, как его победоносная войска заняли «Матерь городов русских».

Кого изберут в «цари» новейшие чигиринцы с А. Шульгиным и А. Чигириным, мы не знаем. Но они, сохраняя хоть в этом старую русскую традицию, кричат волим! И это нам нравится.

Оставим же всю эту траги-комическую дребедень о том, что 15 фино-уральских народностей украли наше

русское имя. Дело ведь просто и ясно и сводится к следующему.

— Мы, украинствующие, желаем украинствовать! Желаем, и все тут!

Александр Шульгин, подписавшийся в качестве Ancien Ministre des Affaires Etrangeres de l' Ukraine, заканчивает свою статью словами:

«... on doit bien retenir une chose: l' Ukraine veut etre independante et sur ce point capital, elle ne cederá jamais devant personne».^[7]

Категорические императивы.

Приятно говорить с людьми честными и образованными! После всяких фиоритур на тему о москалях, укравших наше древнее имя, и обо всем прочем таком фино-уральском, они, наконец, говорят «русским языком», хотя и по-французски. Нам кажется, что это обязывает и нас к такому же ответу.

Мы не допытываемся и не желаем допытываться, по какой истинной причине честно украинствующие хотят разделения. Наклонность к расколу, потребность в нем, есть психическое свойство некоторых натур: точно так же, как особенности других людей заставляют их стремиться к единству. Это своего рода «категорические императивы», заложенные где-то глубоко в душе. Требуется, быть может, ланцет психолога в стиле Фрейда, но не столь однобокого, чтобы вскрыть первоисточники этих течений. Мы этим заниматься не будем в настоящее время. Сейчас мы скажем нашим раскольникам кратко:

Единство.

— С такой же определенностью, какая заставляет вас куда то бежать от остального русского народа, мы хотим соединить единой нашу семью. Мы хотим сберечь единство, как залог нашей национальной силы — во всех смыслах. Мы будем ратовать за все то, что облегчало бы южно-русскому населению преуспеяние на пути его материальной и умственной культуры, отдельной от северно-русской, поскольку таковая существует. В связи с этим мы будем, когда придет время, добиваться всяческих «автономий», как административных, так и в форме широкого самоуправления. Но надо твердо запомнить одно: единство русского народа мы не уступим никогда и никому.

В этом деле нашим лоцманом и строителем да будет великий «Мореплаватель и Плотник». Вот взгляд первейшаго из императоров на народ, подаривший Преобразователю не только одного Мазепу:

«...сей малороссийский народ и зело умен и зело лукав: он, яко пчела любодельна, дает Российскому государству и лучший мед умственный, и лучший воск для свечи Российскаго просвещения, но у него есть и жало. Доколе россияне будут любить и уважать его, не посягая на свободу и язык, дотоле он будет волком подъяремным и светочью Российскаго Царства; но коль скоро посягнут на его свободу и язык, то из него вырастут драконовы зубы, и Российское царство останется не в авантаже». (Мордовцев, «Идеалисты и Реалисты»).

В переложении на современную речь слова Петра Великаго по нашему скромному мнению обозначают нижеследующее.

Все земли, где народ говорит малороссийским языком, должны быть выделены в особое княжество под титлом «Великое Княжество Южнорусское». В случае восстановления в России монархии возглавление

этого княжества, в обстоятельстве жизни мирной и установившейся, всего более приличествует Наследнику Всероссийского Престола, на правах Наместника Государя Императора.

Великое Княжество Южнорусское разделяется на три области — Киевскую, Харьковскую и Одесскую, каковыя области должны быть наделены широким самоуправлением.

В пределах Великого Княжества Южнорусского язык малороссийский пользуется равными правами с языком общерусским (государственным).

Единство русского народа и русского имени.

Мы не можем уступить и не уступим в вопросе о единстве русского народа и не можем отказаться от того, в чем оно наиболее выражается, — от единства русского имени. Наоборот, государственное единство русской земли, под давлением непреодолимых обстоятельств, временно должно быть нарушаемо. Так во времена Деникина и Врангеля «белая территория» под названием «Вооруженные Силы Юга России», являлась как бы самостоятельным государством, не только независимым от «красной Москвы», но находившемся с ней в состоянии войны. И в настоящее время можно представить себе такое положение, при котором южной части русского народа удастся раньше северной выбиться из под власти всерусского тирана Сталина. Но если Югу так посчастливится, то он, Юг, оставшись русским по имени и самосознанию, употребит все силы, чтобы освободить и русский Север. Ибо и Север и Юг в раздельности слишком слабы для тех задач, которыя перед ними поставила история. И только вместе, идя рука об руку, северяне и южане смогут выполнить свое общее мировое предназначение.

Великая Россия есть колония Малой.

Но какое нам дело, говорят украинствующие, до какого-то общерусского мессианства? Мы — патриоты своего кутка по правилу: «Моя хата з краю, нычого не знаю». К тому же эта наша хата достаточно обширна: ея крыша простирается от Карпат до Кавказа, и накрывает она собой сорок миллионов людей.

Так обманывают себя маниаки раскола! Они думают, что, стремясь к самостийности, они совершают благое для своих «сорока-миллионных» земляков. Как тетерева на току, они, заливаясь песнью чигиринствующей любви, глухи и даже слепы в отношении всего остального мира.

Что же делается сейчас в этом незамечаемом украинствующими мире? Англия — владычица морей, занимает сверх того одну пятую часть суши.

Франция имеет весьма значительные колонии.

Северо-Американские Соединен. Штаты захватили простор «от океана до океана».

Италия, на наших глазах, превратилась в Империю, отвоевав для себя солидный кусок Африки.

Германия, в результате мировой войны лишенная колоний, спит и видит их в своих снах.

Япония, напрягая все свои силы, борется за «место под солнцем», т. е. за территорию на материке.

Все остальные державы или имеют колонии, или бредят ими. Все понимают, что для развивающегося народа «надо, чтобы было, куда пойти», как говорит Достоевский.

И только одни украинствующие добровольно отказываются за себя и за свой народ от обширнейших (кроме Англии) в мире колоний, которые этому народу благосклонно судьба подарила.

И такое добровольное самообрезывание проповедует тот самый А. Чигирин, который очень хорошо знает, что обозначают термины Малая Русь и Великая Русь: последняя, по его же словам, есть колония первой, в точном смысле греческой терминологии.

Итак, для Малой Руси отделиться от Великой значит добровольно отказаться от своих природных колоний, простирающихся от Балтики до Тихого океана и от Белого моря до Персии.

Игра в старинные греческие слова! — скажут.

Ничуть. Старинные слова в наше время приобрели новый, глубокий смысл. Те, кто не знают этого вопроса, пусть пересмотрят данные о движении населения в Российской Империи. Из этих данных будет ясно, что край, который под именем «Украины» хотят отрезать от русского народа, в течение последних десятилетий выселил в остальную Россию избыток своего населения, измеряемый миллионами людей. Малороссиянами хлеборобами заняты были значительные пространства, как на Юге, так и на Востоке Российской Империи. Равным образом, неучитываемое, но весьма значительное число малороссов рабочих и малороссиян-интеллигентов всяческих профессий нашло применение своим силам и получили кусок хлеба на необъятных пространствах целокупной России. Последняя ведь не делала никаких различий в этом деле между хохлом и кацапом!

При свете этих неоспоримых фактов утверждение, что Великая Россия была, есть и будет незаменимой колонией для Малой, — не парадоксальная фраза, а неопровержимая действительность. Украинствующие, желающие нас этого нашего естественного прибежища лишиться, с точки зрения разума — безумны, а с точки зрения интересов Южно-Русского народа — преступны! Ибо кто же потеснится в этом неласковом мире? Кто

нам заменит гостеприимных москалей — кацапов? Не поляки ли, которые не имея свободной земли, сами ищут выхода на наши территории? Или быть может, немцы, чей Drang nach Osten есть явление, вызванное тем, что немцам тесно в границах Германии. Немцы могут выгнать малороссов из их черноземных степей, но они не властны подарить украинствующим ни одного акра немецкой земли. И не примут они ни одного «чигиринца» на свои фабрики и заводы в качестве рабочего или инженера. И только Чудь, Весь, Меря, Мордва и Черемисы, т. е. 15 фино-уральских племен под именем москалей, открывают нам свои двери, как истинным братьям. Беда будет, если «уральско-финская раса» воспримет доктрину украинствующих и отнесется к нам, как к чужому народу. В этом случае Великая Россия закроет свои широкие ворота для Малой. На этом москали пострадают, конечно, но мы — больше! У них все же останется простор от Польши до Китая, а наши сорок миллионов скоро очутятся в тесной клетке.

Перенаселение наступит быстро. И для наших потомков «ридна маты Украина» станет злой Мачехой. Утесненная своим многолюдством, страдая земельным голодом, новыя поколения чигиринцев скажут ей:

— Мабудь, вы сказылись, пани матко, тоди, як вкупі з русским именем выреклись и руської землі, що тягне аж до краю світа. Доки ця безкрайна руська земля була и наша земля, був нам світ в виконцях, бо було, як то се каже, де «главу преклонити». А тепер? Де подинемось?!

Тогда только «ненька Украина» поймет, что наделала; и станет голосить — в глубоком миноре:

«Ой там край дороги
Крест Божый стоит,
Там в день и в ниченьку
Матуся кричит:

Ой, Боже-ж мій, Боже,
Що я наробыла,
Як ридну дитыну
На вик загубыла!»

Но самое горькое, самое искреннее раскаяние уже тогда не поможет, увы!..

Понимая все это, мы твердо стоим при своем русском имени. Предать его — значить продать за чечевичную похлебку самостийности бесценное право первородства. За этим первородным правом стоит такая реальность, как вся Русская земля. Ее мы лишимся, заделавшись украинцами. Ибо украинцы, как они этого, безумные, добиваются, будут другой народ. И этому другому, чужому, народу доступ на русскую землю будет заказан.

Не отдадим земли русской!

Я хорошо знаю, что многие в эмиграции не отдают себе яснаго отчета а том, какие важные обязательства лежат на их плечах. Не понимают, что при всяких обстоятельствах, везде и всюду, надо проявлять эту народную волю, о которой говорить Александр Шульгин со слов Эрнеста Ренана.

И мне хочется поэтому обратиться к моим землякам; к тем эмигрантам, что родом из южно-русских губерний; к старинным друзьям умолкнувшего, но еще как-то звучащего «Кіевлянина». Двадцать лет тому назад, в преддверии недоброй памяти 1918 г., вы, Киевляне, своей твердостью и дружественным своим единством, наперекор Австро-Германской буре и вопреки революционно-украинствующей дури, отстояли для матери городов русских его Киева, тысячелетнее,

священное и царственное, русское имя. Ныне настало время, чтобы вы снова произнесли свое веское слово, памятуя изречение Летописца: «на чем город порешит, на том и пригороды станут». Скажите вашим сыновьям и внукам:

— Ни при каких случаях, ни по каким важным или мелочным соображениям не называйте себя украинцами. Читайте яростно-украинствующаго Чигирина, из его слов вы убедитесь, что более настоящих, подлинных, исконных русских, чем вы, южане, не существует на свете! Вы имеете и неоспоримое право, и святую обязанность ваше русское имя не только сохранять и беречь, но ярко, сочно, красочно, выявлять и утверждать во внешнем мире, — именно сейчас, в мутную эпоху, когда украинствующие вору обкрадывают вас на каждом международном перекрестке. Дайте им отпор! Поднимите перчатку! На всякое украинствующее на вас покушение с темпераментом, соответствующим и вашей молодости и важности предмета, отвечайте модернизированными словами Святослава: не отдадим земли русской!

Нечто французское.

Но так как бывший министр иностранных дел державы украинствующих любит объясняться по французски, то мы считаем приятным долгом предложить вниманию его превосходительства нечто на дипломатическом языке.

18 декабря 1938 г. парижская газета «Matin» напечатала нижеследующия слова Великаго Князя Владимира Кирилловича.

«Si je dois rtgner un jour, ce serait sur toute la Russie, Comment a-t on pu me preter l' intenton de revendiquer separement l' Ukraine, ou meme d' en accepter le trone? C'

est ignorer l' histoire de la Russie imperiale. L' Ukraine n' en a jamais ete separee, elle en a ete le berceau. La Russie s' est agrandie en partant d' elle. Elle fait la partie du territoire russe...»^[8]

Из этого французского текста для украинствующих дипломатов должно быть ясно, что дух Владимира Святославовича Великого Князя Киевского жив в Великом Князе Владимире Кирилловиче, коему при благоприятных обстоятельствах суждено быть Императором Всероссийским. Слова Великого Князя, в которых чувствуется одновременно верность традициям предков и горячность собственной молодости, воскрешают в сердцах будущих подданных будущего Государя веру в династию Романовых, как продолжателя великого дела Рюриковичей.

Этой же верой были исполнены гетман Богдан Хмельницкий и его сподвижник Выговский, когда они в 1654 году говорили царскому послу боярину Бутурлину:

«Милость-де Божья над нами, яко же древле при Великом Князе Владимире, так же и ныне сродник их Великий Царь и Великий Князь Алексей Михайлович, всея Руси Самодержец, призрел на свою государеву вотчину Киев и на Малую Русь милостью своею; яко орел покрывает гнездо свое, тако и он, государь, изволил нас принять под свою царскаго величества высокую руку, а Киев вся Малая Русь вечное их государскаго величества».

(Акты, относящиеся к истории Южной и Западной России, Томь X. СПб. 1878).

Мы бы советовали А. Шульгину это историческое свидетельство о том, с какими чувствами Малая Русь присоединилась к Великой, перевести на французский

язык, дабы его друзья дипломаты имели правильное представление об Аншлюссе 1654 года.

Мы.

Вместе с тем нам кажется, что и А. Чигирину и А. Шульгину, равно, как и другим украинствующим, которые сделают мне честь прочесть настоящую статью, будет, наконец, приятно узнать, кто же эти Мы, столь дерзновенно начертанные в заглавии.

Мы — это те, что окружали вещаго хранителя Рюрикова дома, в 882-м году, когда он прорицал, глядя на Киев: «это будет мать городов русских!»

Мы — это те, что восемь столетий спустя, вместе с Богданом Хмельницким, не позволили, чтобы «на Руси не стало Руси», как этого тогда и теперь от нас добивались и добиваются.

Мы — это те, что в 1654 году позвали на осиротелый престол Южной Руси царя Руси Северной, из дома Романовых.

Мы — это те, что теперь в 1938 году, стремятся объединиться вокруг наследника «Рюриковичей и Романовых».

Мы — это также и те отвердевшие в своих воззрениях республиканцы, которые не связывая своих надежд с воскрешением Династии, все же жаждут увидеть «народ освобожденным» от рабства Украинствующаго сепаратизма.

Мы — это те, что имеют в сердце твердую веру: придет пора, когда вместо лжи и человеконенавистничества украинствующих раскольников восторжествует правда, согласие и любовь под высокой рукой Единой Неразделимой России!

Прикарпатская Русь.

И есть еще одни мы, о которых хочется сказать в последнем слове.

Племя, окруженное со всех сторон грозно направленными на них штыками: чешскими, польскими, мадьярскими, немецкими... И с каждого стального острия, безжалостно, как та капля, что точит камень, падает:

— Предайте свое русское имя. Отрекитесь. Назовитесь украинцами. И хорошо вам будет, и все блага земли посыпятся на вас.

Но малый этот народ, прошедший суровую школу длинного ряда веков, закалившийся в своей малости, оставленности и одиночестве, стоит твердо у подножия Карпатских гор. Он старается удержать русское знамя на самом западном клочке русской земли. Пусть же там, где ежедневно заходит дневное светило, совершится чудо: русское солнце да взойдет на закате! Ex occidente — lux!

В этот день в совершенно неожиданном аспекте сбудутся вещи слова Столыпина:

«Твердо верю, что загоревшийся на Западе свет Русской Национальной Идеи не погаснет, но озарит всю Россию!»

Но если чудо не случится, если Прикарпатская Русь рухнет под невыносимым давлением украинствующего круга, ее обступившего, не бросайте в нее камнем. Наоборот, поставьте ей памятник в сердце своем. И пусть в нем будут вырезаны слова, столь уместно прозвучавшие из уст мужественного представителя Галицкой русской молодежи на Талергофских могилах:

«Не нужно ни песен, ни слез мертвецам,
Отдайте им лучший почет:
Шагайте без страха по мертвым телам,
Несите их знамя вперед...»

Белград, 1939

Шульгин В.Н. Столыпин П. А. в оценках западных историков

Западные наблюдатели еще при жизни Петра Аркадьевича Столыпина обращали пристальное внимание на его деятельность, заинтересованно размышляли о ее последствиях. Как отмечает немецкий историк Д.Гайер, Запад начала десятых годов XX в. взирал на Россию «как на многообещающего гиганта, шедшего в будущее семимильными шагами. Широко распространенной была мысль, что Империя пережила эпоху военного поражения и революции, быстро модернизируясь. В Германии и Австрии сторонники превентивной войны укреплялись в своей мысли, видя накопление Россией огромной силы, превращение ее во внушающую страх нацию. Подобная озабоченность царила и в других местах: в Англии, Франции, даже Соединенных Штатах влиятельные лица предвидели для Императорской России великую будущность и важную международную роль. И они не взирали на эту перспективу с безотчетной радостью».^[9] Естественно, что один из главных творцов новой русской политики, Столыпин, до сих пор остается среди важнейших фигур, изучаемых историками. Данная статья, не претендуя на всеохватность проблемы, ставит целью выяснение основных направлений западной историографии о Столыпине.

Аграрная политика была стержнем реформаторской деятельности П.А.Столыпина, поэтому именно ей уделяется основное внимание. П.Н. Зырянов недавно заявил, что «современные западные историки сдержанно оценивают столыпинскую реформу».^[10] Это неточно. Зарубежные историки, изучающие

столыпинскую аграрную реформу, делятся на два направления — «оптимистическое» и «пессимистическое». Первое исходит из того, что реформа была «гениальной, смелой и решительной», как выразился А. Гершенкрон;^[11] второе считает реформу неудачной. Современный немецкий исследователь Х.Гросс пришел к обоснованному выводу о том, что «пессимистов» на Западе было всегда меньше, чем тех, кто высоко оценивал как замысел, так и воплощение реформы. По мнению Гросса, преобладающее число западных историков «видит Столыпина на верном пути», считая, что его преобразования «ускорили процесс перемен в крестьянстве по направлению к достижению сильно индивидуализированного образа жизни и, очевидно, несколько улучшили материальное положение большей части сельского населения. Следствием хозяйственного и правового развития было уменьшение крестьянской готовности выступить против помещиков».^[12] К историкам — «оптимистам» принадлежат также Г.Яней, Д.Тредголд, Л.Волин, Д.Малл.^[13] И многие современники Столыпина, особенно в Германии, высоко оценивали его аграрную реформу, в том числе В.Прайер, автор лучшей немецкой работы по русским аграрным преобразованиям начала XX в.^[14]

Меньшинство («пессимисты») считает, что центру не удалось преодолеть сопротивление реформе со стороны части губернаторов и их аппарата. Обращает внимание на сравнительно небольшие размеры крестьянских хозяйств, предполагавшиеся реформой, что, по мнению этой группы историков, ставило преграду модернизации. Таким образом, напрашивается вывод: «полусамодержавная» политическая система сама ставила непреодолимые препятствия своей же реформаторской деятельности.^[15] Эта аргументация

близка той, какую приводит наша ленинградская школа, в частности В.С. Дякин.

Западные историки обращают внимание на методологические проблемы, осложняющие оценку успешности столыпинского курса. Х. — Д.Леве в многотомном коллективном «Руководстве по истории России», призванном подвести итоги новейшей западной историографии России, отмечает, что вообще весьма трудно судить о тенденциях развития этой страны в начале XX в. Начавшаяся первая мировая война осложнила наметившийся процесс, «так как новая система больше всего требовала длительного мирного периода. Добавившиеся военные тяготы осложняли возможность доказательства, что конституционно-монархический строй был в состоянии развивать производительные силы страны и преодолеть к тому же типичные для России политические пороки». Историк убежден, что в этих условиях трудно установить, в какую сторону развивалась Россия. Он пишет, что «столь глубокие перемены, какие переживала Россия, даже в идеальном случае не могли привести уже до 1914 г. к образованию действенных хозяйственных, социальных, политических структур». Поэтому естественна противоречивость суждений исследователей о процессах, протекавших в 1907–1914 гг.: «В чем одни усматривают рождение нового, влекшего к лучшему будущему, для других, как современников, так и для нынешних исследователей прошлого, представляется проявлением кризиса, который предвещал крушение устаревшего насильственного строя».

Тем не менее Х.-Д. Леве убежден, что споры между двумя господствующими направлениями в западном «столыпиноведении» создают благоприятные условия для развития историографии. Однако «никогда ни одна сторона не одержит явной победы», — делает вывод

историк. К тому же возможны и многочисленные переходные варианты от «оптимизма» к «пессимизму» как в отношении столыпинских преобразований, так и относительно уровня развития довоенной России в целом (например, можно быть «оптимистом» в оценке экономического развития и «пессимистически» взирать на политические возможности режима; или в целом рассматривать положительно происходившее в России, но единственным пороком видеть излишнюю концентрацию пролетариата в городах и т. п.).^[16]

Х.-Д.Леве затронул важнейшую методологическую проблему, связанную с поисками критериев для суждений о мере успешности столыпинского курса. Действительно, в незавершенности реформ трудно усомниться, и это позволяет делать разные прогнозы о возможных путях исторического развития России. И все же трудно согласиться с агностицизмом немецкого исследователя, говорящего о неразрешимости спора по поводу столыпинской политики. Исторические споры такого масштаба разрешаются текущей жизнью и в том числе развитием философии истории, обобщающей исторический опыт. Одного лишь погружения в исторические источники для выяснения таких вопросов недостаточно. Как метко об этом выразился покойный еврейско-немецкий историк Р.Кебнер, «историческое знание столь же мало приобретает от прочтения документов и хроник, как ботаника от описания растений». Сведения источников необходимо воспринимать в контексте широкого, ориентированного в современность исторического потока, что единственно оправдывает изучение истории.^[17] В случае со Столыпиным это значит, что необходимо исходить из всей нашей истории XX в. Крах советских «пороков» в мирное время, свидетельствуя о российских врожденных «пороках», еще более

актуализировал вопрос о русских исторических альтернативах и вновь выдвинул на авансцену историографии Столыпина с его впечатляющей убежденностью в возможности модернизации России на ее собственных исторических основаниях.

Русская философия давно уже определила истинную ценность того консерватизма, какой воплощал в своем политическом курсе Столыпин. Оказавшись в вынужденной эмиграции, русские мыслители еще больше уверились в целесообразности таких преобразований, которые не ломают исторически сложившейся жизни. Н.А.Бердяев в «Философии неравенства» написал целую поэму о спасительности консерватизма, являющегося «одним из вечных религиозных и онтологических начал человеческого общества», без которого «невозможно нормальное и здоровое существование и развитие общества», поскольку консерватизм «поддерживает связь времени». Консерватизм развивает «конкретную историческую действительность», революционеры же пытаются подменить ее «отвлеченной социологической действительностью». «Смысл консерватизма — в препятствиях, которые он ставит проявлениям зверино-хаотической стихии в человеческих обществах», — делал вывод Бердяев.^[18] С.Л.Франк в работе «Духовные основы общества» обратил внимание на необходимость «соборного» сочетания новаторского начала в политике с «великим началом охранения»: «Истинная онтологически обоснованная политика по самому существу своему всегда есть политика духовно свободного, не скованного предубеждениями и омертвевшими привычками, консерватизма или — что то же самое — политика новаторства, черпающего свои творческие силы из благоговейного уважения к живому содержанию прошлой, уже воплощенной духовной

жизни».^[19] Подобные суждения можно найти у многих русских мыслителей, начиная с Н.М.Карамзина и кончая А.И.Солженицыным, и эту методологию, исходящую из признания абсолютной ценности исторических традиций, необходимо усвоить исследователям социально-политической истории России.

Западная историография России, как и отечественная, сейчас переживает неизбежный поворот, связанный с переменами, происшедшими в нашей стране. Еще в 60-е гг., когда сила СССР почти не вызывала сомнений, в историографии господствовал скептицизм относительно возможностей, открывавшихся перед дореволюционной Россией на ее традиционном пути. Октябрь 1917 г. даже убежденным противникам коммунизма казался формой «модернизации» России. Один из признанных талантов немецкой исторической науки Георг фон Раух, руководствуясь этим настроением, писал в конце 60-х гг.: «7 ноября 1967 г. во всем мире отмечался 50-летний юбилей русской Октябрьской революции: в Москве — с гордостью народа, который в течение этого полувека выдвинулся на место второй индустриальной нации мира, который непосредственно господствует на одной шестой части земной суши и, сверх того, оказывает решающее влияние далеко от своих границ; праздновался в условиях все большего согласия в идеологии и господствующем строе в большинстве коммунистических государств и с вежливым уважением — в западном мире». Раух тогда частично соглашался, что Октябрьская революция сыграла для целого ряда народов освободительную роль в борьбе с «феодално-колониальным прошлым».^[20]

Не то настроение сейчас. Кризис коммунистической идеи и происходящее выдвижение национальных исторических ценностей, без которых невозможна сама

жизнь общества, ведут к коренному изменению историографической ситуации. Американский историк Р.Сани заметил происходящее на Западе с

70-х гг. постепенное изменение суждений о старой России. Если «в течение первых десятилетий после II Мировой войны западные исследователи России сосредоточивали внимание на творцах Русской Революции — интеллигенции, особенно на социал-демократах и рабочих — и сильно пренебрегали изучением государственного аппарата», исходя из принятой ими на вооружение предпосылки, что царизм был «неспособен реформировать свои устаревшие устои достаточно успешно, чтобы спастись от революционного вызова», то в 70-е гг. значительное число историков США и Западной Европы «занялись глубоким исследованием скрытой от глаз работы царской бюрократии и в ходе этого изучения сняли большую часть обвинения с царских администраторов, на которых часто просто возводили поклеп». В их работах царизм был «частично реабилитирован», — заключает Р.Сани.^[21] Он считает, что не только царизм несет ответственность за крушение России в 1917 г., но и оппозиция в лице «гражданского общества», оказавшегося не готовым к принятию на себя всей полноты власти, «но нетерпеливо стремившегося встать во главе страны».^[22]

Ряд западных историков считает, что процесс политической модернизации царского режима в столыпинские времена проходил в целом успешно. Уже упомянутый Х.-Д.Леве призывает «пессимистов» посмотреть на «другую сторону медали». У царизма были «политические достижения», причем «столыпинские реформы являлись величайшим проектом «социальной инженерии», в результате осуществления которого верхи общества удалось

держат в согласии. Особенно очевидным это обстоятельство проявлялось во внешней и военной политике России. В то время, когда немцы говорили о финансовых слабостях своего Рейха, русские «Дума и Государственный Совет... вотировали программу вооружений, которая давала понять всем другим европейским державам, что в сравнении с ней их возможности были уже в значительной степени исчерпаны». Историк уверен, что в эволюционировавшей русской политической системе возврат к положению, существовавшему до 1905 г., был невозможен. «Самим своим существованием Дума достигала изменения политического стиля и политического сознания широчайших слоев общественности и бюрократии».^[23] Этот вывод сделан в немецком «Руководстве по истории России», отражающем господствующие тенденции современной историографии Германии.

Говоря об общих «чертах эпохи» 1905–1914 гг., авторы «Руководства» указывают на столыпинские преобразования как на показатель дальнейшей либерализации России. Это была «эпоха, в течение которой общество сумело с невиданным до тех пор результатом освободиться от государственной опеки». В результате столыпинской аграрной реформы многие ожидали «усиления самобытного и самостоятельного крестьянства»; «такой сдвиг социальных сил в стране должен был со временем стать средством *постоянной демократизации режима*» (выделено нами. — В.Ш.).^[24] С подобным выводом нельзя не согласиться: процесс социально-политических преобразований после 1905 г. приобретал необратимый характер. Это были либеральные преобразования, совершаемые сверху на основе сохранения русской национальной исторической традиции (монархии, православия).

Кадетско-большевистский взгляд на Столыпина как «реакционера», «душителя демократии», так укоренившийся в нашей исторической литературе, сейчас не более чем анахронизм, реликт прошедшей эпохи, явно преувеличивавшей значение «социальных» и политических вопросов в ущерб национальным. Для радикала, фетишизирующего западный политический опыт, невыносимо это сочетание либерализма и стремления к защите русских исторических устоев, столь характерное для Столыпина. Он не в состоянии понять самую возможность политики консервативного либерализма, которую вел выдающийся реформатор. П.Н.Милюков поэтому доказывал, что Столыпин лишь маскировался под либерала, «сдвигался вправо».^[25] Как радикал, Милюков исходил из ложной предпосылки, что «воля народа» воплощается демократическими кругами Думы, а верховная власть вершит лишь «произвол» и противостоит «стране».^[26] Это была манихейская методология, в соответствии с черно-белыми принципами которой власть воплощает абсолютное зло, а радикальная оппозиция — столь же абсолютное добро. Не допускалась принципиально мысль о возможности либеральной эволюции этой власти, которая на деле шла со времен Екатерины II.

И современные наши радикально-западнические круги и их пропагандистские органы продолжают следовать по проторенному Милюковым пути. И.Пантин и Е.Плимак пишут о Столыпине «вешателе», «реакционере», не понимавшем необходимости демократического преобразования «обветшалых общественно-политических структур» (при всем том, что Столыпин исходил из необходимости развития Думской монархии и местного самоуправления).^[27] Подобные радикальные «легенды» об антидемократизме Столыпина, никак не

соответствующие фактам, стали своего рода кредо для кругов, группировавшихся вокруг «Известий» и «Огонька».^[28] Даже А.Ф.Керенский отдавал должное Столыпину, утверждая, что «в намерения Столыпина не входило ни восстановление абсолютизма, ни уничтожение народного представительства — он стремился лишь к установлению в России консервативной, *но строго конституционной монархии*. Его мечтой была могучая, централизованная империя, экономически здоровая и культурно развитая» (выделено нами. — В.Ш.).^[29] Думается, что верное определение политической направленности в деятельности Столыпина дал В.В.Розанов. Он отметил, что «Столыпин показал единственный *возможный* путь парламентаризма в России, которого ведь могло бы не быть очень долго и, может, даже никогда...» (выделено автором. — В.Ш.).^[30]

Итак, сложность оценки исторической роли Столыпина состоит в первую очередь в трудностях чисто методологических. Печальную роль в историографии играет недостаточная разработанность понятий «консерватизм», «либерализм», «радикализм». Нет, в частности, понимания того, что либерализм и консерватизм совместимы, что либерализм принципиально враждебен радикализму. Между тем верное соотношение между либерализмом и радикализмом уже определил русский эмигрантский историк В.В.Леонтович. Его труд «История либерализма в России» был первоначально издан по-немецки и лишь благодаря А.И. Солженицыну увидел свет на языке оригинала в русском парижском издательстве. Леонтович доказал, что либерализм в собственном смысле слова стремится к гражданской свободе, опираясь на теорию естественного, равного для всех права. Политическая же свобода является лишь

дополнением к гражданской: «Гражданская свобода, т. е. основные права, на признании которых построен гражданский строй, является самой высокой ценностью государства и его основным принципом. Поэтому политическая свобода рассматривается лишь как дополнение свободы гражданской, ее требуют лишь как гарантию для гражданской свободы...». ^[31]

Либерал, выродившийся в радикала, так увлекается вторичной и не самостоятельно значимой идеей политической свободы, что забывает о главной заботе либерализма — укреплении гражданского строя. Поэтому вполне реальна возможность достижения радикализмом политических свобод и одновременной частичной или полной ликвидации гражданского общества, что и произошло в России поле февраля 1917 г. Радикализм в соответствии с теорией Руссо слепо верит в народное представительство как выразителя общей воли. Леонтович делает вывод, что в таких взглядах мы видим уже не либеральное, а «совершенно иное понимание конституции», направленное «на скорейшее ее превращение просто в парламентский устав, цель которого — облегчение беспрепятственного проведения в жизнь программы очередного парламентского большинства». Это концепция радикальная, полностью противоречащая либерализму, который ставил себе целью сохранение существующего индивидуального правопорядка и существующих законно приобретенных прав человека». Тем более, что «за политической свободой как самодовлеющей целью нет ни социальной программы, ни правовых начал». На этом пути могут быть возрождены самые крайние формы административной системы и «вмешательства власти» вплоть до «чистого коллективизма» и конца «определенной цивилизации» с «глубоким разрывом всей культурной традиции».

Руководствуясь истинным пониманием соотношений либерализма и радикализма, фактически исходившим из наличия определенной консервативной составляющей либерализма, Леонтович судил о месте Столыпина в либеральной эволюции русских общественно-политических порядков. Имея в виду опасность разрыва культурной традиции при победе радикально-революционных идей, Леонтович пишет: «В этом хорошо отдавал себе отчет один из последних крупных представителей старой России Столыпин. Именно это имел он в виду, говоря Второй Думе в 1907 г., что разрушение существующего правопорядка в России во имя социализма заставит впоследствии на развалинах строить какое-то новое никому не известное отечество».^[32] Таким образом, Столыпин шел эволюционным либеральным курсом, по определению исходившим из необходимости охранения национально-культурных традиций.

Анализ западной историографии (и отечественной эмигрантской мысли) позволяет уточнить наши представления о месте Столыпина в русской истории и о направленности его реформаторского курса.

Librs.net

Данная книга была скачана с сайта Librs.net.

notes

Примечания

1

Письмо епископа Константина Стефану Гринивецкому было напечатано и феврале 1927 г. в газет «Січ», издававшейся в Чикаго.

2

Том, на который я случайно натолкнулся, носит номер 31, 117 / 2: X.

З

С.О.: Неведомо, откуда Чигирин взял выражение «руськая земля». Древние летописи, придерживаясь грамматических правил, повсюду говорят о «русьской» или «русской».

4

Об этом можно прочесть в мемуарах Великого Князя Александра Михайловича.

5

По мнению г. Цариннаго, большого знатока украинствующих, в последних возродилась коллективная душа берендеев. Берендеи было племя, которое ненавидело Русь.

Воля народа — Национальная и чисто лингвистическая проблемы имеют, так сказать, весьма относительные законы: «Платт-Дейтш» и «Гох-Дейтш» не различаются между собою больше, чем голландский язык отличается от классического немецкого. И, однако, никто не будет считать этих двух немецких наречий как два самостоятельных языка и не будет утверждать, что север и юг Германии населены двумя различными национальностями. Наоборот, кто осмелится отрицать, что голландцы имеют самостоятельный язык и что народ, который говорит на этом языке, составляет отдельную нацию. Таким образом, все зависит от исторических условий, от степени развития языка, от значительности литературы и, с точки зрения чисто национальной, от воли самого народа. Еще Эрнест Ренан выдвинул это субъективное, «волонтеристическое» определение нации.

«...одну вещь надо хорошо запомнить: Украина желает быть независимой, и в этом основном вопросе она не уступит никогда никому».

«Если мне суждено когда-нибудь царствовать, я буду царствовать над всей Россией. Как могли мне приписать намерения предъявить мои права только на Украину, или же, тем более, принять украинский престол? Это значит не знать истории Императорской России. Украина никогда не была от России отделена, она была ее колыбелью. Россия выросла из Украины. Украина — часть русской земли...»

Gyer D. Russian imperialism: the interpretation of domestic and foreign policy 1860-1914. Lemington Spa etc., 1987. P.264.

Зырянов П.Н. Петр Аркадьевич Столыпин // Вопросы истории. 1990. № 6. С.65 (примечание).

Gershenkron A. Agrarian policies and industrialisation: Russia 1861-1917 // The Cambridge economic history of Europe. Cambridge, 1966. Vol. 6. Part 2. P.800.

Handbuch der Geschichte Russlands. Stuttgart, 1982.
S.469-470.

Yaney G. The urge to mobilize: agrarian reform in Russia. 1861-1930. Urbana etc, 1982; Tredgold D. Was Stolypin in favore of kulak? // Slavic Review. 1965. Vol. 17. P. 1-14; Volin L. A/ century of Russian agriculture from Aleksandr II to Chrustchov. Cambige, Mass. 1970; Mall D. Russian Pesant organisation before collectivisation. Cambrige, 1971.

Prajer W.D. Die russische agrarreform. Jena, 1914.

Zernhaimer S. Administering development and developing administration: organisational conflict in nsarist burokracy, 1906-1914 // Canadian — American Slavic Study, 1975.

Handbuch... S.456-457.

Цит. по: Theodor von Laue. Richard Kobner. Geschichte, Geschicht — bevustsain und Zaitwende. - Herlingen, 1990 // Jahr — Bucher fur Geschichte Osteuropas. Neue folge. Bd. 39, Heft 2. Stuttgart, 1991. S.247.

Русское зарубежье: из истории социальной и правовой мысли. Л., 1991. С.91, 96, 98, 99-100

Там же. С. 405, 406.

Rauch G. Zarenreich und Sovietstadt. Getingen, 1980.
S.150, 161.

Sani R. Rehabilitating tsarism... // Comparative studies in society and History. 1989. Vol. 31. N 1. P.169.

Ibid. P.179.

Handbuch... S.458-459.

Ibid. S.341.

Милюков П.Н. Воспоминания. М., 1990. Т.1. С.415;
Т.11. С. 71.

Там же. Т.11. С.72, 133.

Огонек. 1989. № 45. С.11, 12.

Известия. 1992. 13 апр.; Правительственный
Вестник. 1991. № 12 (статьи Ю.Шарапова и
В.Герасимова).

Вопросы истории. 1990. № 8. С.116, 117. Правда, в угоду своему партийному стремлению переложить всю ответственность за крушение России на верхи, Керенский обвиняет Столыпина в разжигании гражданской войны (С. 117-118).

Розанов В.В. Историческая роль Столыпина // Новое время. 1911. 8 окт.; Наш современник. 1991. № 3.

Леонтович В.В. История либерализма в России: 1762-1914. Париж, 1980. С.6.

Там же. С. 12-17, 22.